

И. Н. А. НЕКРАСОВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В. А. ГРОМОВ

«БЕЖИН ЛУГ» ТУРГЕНЕВА И «КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ» НЕКРАСОВА (ОБЩЕЕ И СВОЕОБРАЗНОЕ)

1

В. Е. Евгеньев-Максимов неоднократно отмечал давно назревшую необходимость привлечь внимание исследователей и читателей к «теме об общих мотивах в творчестве Тургенева и Некрасова», напоминая о том, что тема эта «нуждается в разработке»¹. В своих трудах он высказал целый ряд собственных соображений на этот счет, указав прежде всего на глубокое внутреннее созвучие знаменитой Аннибаловской клятвы Тургенева, предопределившей главную мысль «Записок охотника», с аналогичной клятвой Некрасова, о которой мы знаем из стихотворения «На Волге»². А «поскольку «Записки охотника» как произведение, печатавшееся в «Современнике», были превосходно известны Некрасову» еще в рукописях, то, по словам Евгеньева-Максимова, явилось вполне закономерным творческое сближение и взаимодействие поэта с Тургеневым. «Вообще если бы Некрасову вздумалось напечатать книгу под заглавием «Записки охотника», и в его прозе и в его стихах нашлось бы немалое количество отрывков, а то и целых произведений, вполне оправдавших бы это заглавие». Так, например, «Тонкий человек», где явно соприкоснулись пути Некрасова-прозаика с Тургеневым, «по своему жанру

¹ Евгеньев-Максимов В. Е. И. А. Некрасов и его современники. Очерки. М., 1930, с. 176.

² Его же. Жизнь и деятельность И. А. Некрасова, т. I, М.—Л., 1947, с. 98.

представляет ряд бессюжетных очерков преимущественно описательного характера, чрезвычайно напоминающих именно «Записки охотника». Развивая свою мысль, исследователь писал: «Не забудем, что такие известные стихотворения Некрасова, как «Крестьянские дети», «Орина, мать солдатская», «Дедушка Мазай и зайцы», «Ночлеги» и другие, являются и по содержанию и по форме именно «записками охотника»³, а первая из названных вещей, «Крестьянские дети» — это нечто вроде очерка типа «записок охотника»⁴.

В то же время Евгеньев-Максимов отмечал, что «антикрепостнические настроения революционного демократа Некрасова гораздо органичнее, глубже, острее антикрепостнических настроений» Тургенева⁵ и потому внимательное сопоставление «Записок охотника» с аналогичными по теме произведениями Некрасова «показало бы не только черты сходства (отдельных картин, образов, пейзажа), но и существенное отличие, определяемое прежде всего разницей в общественно-политических взглядах писателей»⁶.

Эти общие соображения старейшего советского некрасововеда, а также его частные замечания об идейно-тематическом созвучии с «Записками охотника» «Крестьянских детей» и в то же время о существенном отличии одного от другого не только повторяются так или иначе в последующих суждениях других исследователей на тот же счет, но и как бы вырастают из самой истории создания интересующих нас произведений, из того общего и своеобразного, что было замечено в них современными им читателями и критиками. Правда, сам Евгеньев-Максимов сослался лишь на книжку Ив. Смирнова «Заступники народные» (М., 1908), которая «хотя и трактует о творчестве Тургенева и Некрасова, однако ограничивается лишь пересказами их произведений, цитатами из них и отнюдь не затрагивает вопрос, поставленный нами»⁷, а еще ранее — самими исследуемыми авторами и прижизненными толкователями их творчества. Включение в научный оборот этих исходных материалов, до

³ Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. I, М.—Л., 1947, с. 193—194.

⁴ Там же, т. III, М., 1952, с. 183.

⁵ Там же, т. II, с. 323.

⁶ Там же, с. 194.

⁷ Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов и его современники. М., 1930, с. 176.

сих пор не учтенных или прочно забытых, является целью данной статьи.

2

«Крестьянские дети» появились через десять лет после «Бежина луга». Суждения Некрасова об этом рассказе неизвестны. Можно лишь предположить, что они были высказаны им Тургеневу, находившемуся в Петербурге во время выхода в свет февральской книжки «Современника» за 1851 год, и, несомненно, имели столь же положительный характер, как и отзыв о двух предшествовавших «Бежину лугу» рассказах, написанных после возвращения автора «Записок охотника» из-за границы: «Один из них, «Певцы», — чудо! И вообще это отличная поправка бедному «Современнику», который в нынешнем году не может-таки похвалиться беллетристикой» (X, 158)⁸. Примечательно, что именно в черновом автографе «Притынного кабачка», переименованного Некрасовым в «Певцы», Тургенев оставил уже после своей подписи первое упоминание нового замысла, глубоко созвучного с финальной сценой переключки детских голосов, названной Достоевским гениальной: «Описать, как мальчишки гоняют лошадей в пустыри на ночь. Огни».

Десятилетие спустя в альбоме жены сподвижника поэта по журнальной деятельности было зафиксировано почти аналогичное намерение: «Обязуюсь написать Ольге Сократовне Чернышевской стихотворение ко дню ее ангела 11 июля, коего содержанием будут красоты природы в пределах Ярославской губернии. Ник. Некрасов. 14 мая 1861. СПб»⁹. Это обещание через два месяца было реализовано в записной тетради¹⁰, начатой еще в 1856 году поэмой «Несчастные» (лл. 1—28), которая заняла гораздо меньше оставленного для нее места («Тишина», помеченная также 1856 годом, находится на листах 37—38). Листы 29—36 об., сохранившиеся чистыми между этими произведениями, поэт заполнил «Детской комедией», переименованной им позднее в «Крестьянских детей». Над первоначальным заглавием этого стихотворения, появившегося в десятой книжке журнала

⁸ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. Тома I—XII. М., 1948—1953. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁹ Звенья, V, М.—Л., 1935, с. 510.

¹⁰ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. 178, М. 5761. Записная тетрадь № 4 (Далее указываем листы).

«Время» за 1861 год с посвящением О. С. Чернышевской, что дает основание считать именно «Крестьянских детей» осуществлением данного автором ранее обещания, он надписал: «1861: Грешнево 14 июля» (л. 29), а после заключительной строки: «И вышли искать дупелей» — сделал еще одну помету: «1 — 14 июля» (л. 36 об.).

Аналогичные обозначения им были сделаны на обороте листа 39-го, где набросан первоначальный вариант стихотворения, названного Некрасовым позднее при его доработке и подготовке к печати «Тургеневу»: «1861, 14 июля Грешнево» — сверху текста, а в его конце: «7 июля». Это, конечно, не случайные совпадения дат, а вполне сознательно зафиксированный автором несомненный факт его творческой биографии: над стихотворением, обращенным к автору «Записок охотника», он работал одновременно с исполнением своего обещания написать ко дню ангела О. С. Чернышевской, то есть к 11 июля, стихотворение о красотах природы в пределах Ярославской губернии. Пометы Некрасова на полях черного автографа «Детской комедии», который ошибочно назван беловым (II, 554, 659), адресованные переписчику: «Отступить» (л. 32 об.) и др., позволяют предположить, что именно в списке, предназначенном для О. С. Чернышевской, или же при подготовке текста к публикации, было найдено окончательное заглавие для стихотворения, наиболее отвечающее его реальному содержанию, а не первоначальному намерению ограничиться красотами природы.

Смысл этой замены помогает понять сам Некрасов. «Я, — говорил он П. В. Григорьеву в 1870-е годы, — пробовал обрабатывать сразу целые большие отделы этой крестьянской жизни! И, боже мой, что за интересные отделы! Так я написал идиллию «Крестьянские дети!». В ней мне пришлось сжиматься и писать общими чертами. Я пробовал писать, взяв какое-нибудь из чисто деревенских явлений нашей жизни — получились «Коробейники»! Я характеризовал обычную жизнь крестьянской семьи в «Морозе»¹¹. Если мемуарист, предположим, и не слишком точен в передаче особенностей устной речи поэта, то фактическое содержание этого свидетельства не вызывает сомнений. «Коробейники», написанные следом за «Крестьянскими детьми», помечены

¹¹ Звежня, III—IV, М.—Л., 1934, с. 658.

автором 25 августа 1861 года. В той же записной тетради находятся первые наброски поэмы «Мороз, Красный нос», а равно и тематически связанные с этой проблематикой стихотворения: «Похороны», «Дума», «Литература с трескучими фразами», написанные в Грешневе летом 1861 года.

Именно в этом идейно-тематическом контексте становятся более понятными строки, адресованные автору «Записок охотника», начиная с эпитафии, взятого из Диккенса: «О! Зачем с этой головою не стал ты другом бедных и опорой покинутых всеми?» (II, 662). Если обратиться вновь к воспоминаниям П. В. Григорьева, то мы найдем в них как бы расшифровку или своего рода продолжение, отголосок этого эпитафия в словах поэта о самом себе: «Я делал, что мог! <...> Передо мною никогда не изображенными стояли миллионы живых существ! Они просили любящего взгляда! И что ни человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия!»¹².

В статье о стихотворениях Некрасова издания 1873 года тот же мемуарист раскрыл внутреннюю связь обращения поэта к Тургеневу с «Крестьянскими детьми» и всеми другими произведениями о народе, оказавшимися отнюдь не случайно в одной записной тетради: «Автора «Певцов», «Бежина луга», «Хоря и Калиныча» и прочих попыток написать народные очерки, попыток дорасти до быта труженников с увлечением встретил интеллект 50-х годов, с восторженным увлечением, но и Тургенев не удержался на высоте крестьянской жизни, не воспитал в себе бесконечной пытливости узнавать всю правду, какова бы она ни была <...> Покинул его дух гнева и печали на полпути»¹³. Призыв, обращенный к нему в 1861 году Некрасовым: пить святую чашу до дна и не замышлять походов на тех, кто готов идти до конца — не мог, очевидно, не отразиться и в «Крестьянских детях», которые, при всей идейно-тематической общности с «Бежиным лугом», были настолько своеобразны как по содержанию, так и по эстетическим принципам, по форме, что критика поначалу вообще не соотносила эти произведения как явления будто бы разного художественного уровня, разделенные к тому же целым десятилетием и крестьянской реформой.

¹² Звенья, III—IV, М.—Л., 1934, с. 658.

¹³ Библиотека дешевая и общедоступная, 1875, № 4, с. 10.

Автор «Бежинна луга» писал вскоре после появления этого рассказа: «Самое верное замечание сделал мне Дудышкин — сказав, что мальчики у меня говорят как взрослые люди»¹⁴. Совсем иные претензии предъявил тот же критик к «Крестьянским детям» в пространной статье о новом издании стихотворений Некрасова, дозволенном цензурой 4-го мая 1861 года, то есть за десять дней до обещания написать это произведение, к тому времени, очевидно, уже сложившееся в сознании автора, который датировал его в двух случаях даже 1856-м годом. Дудышкин назвал это стихотворение «бессвязною рифмованною повестью», написанною «скудно и длинно», причем совсем не так, как некоторые из ранних, понравившихся критику вещей поэта, когда у него «еще желчь не вступала в права чувства и обличение — в права искусства», то есть отнес «Крестьянских детей» к «произведениям одной желчи — нового принципа в поэзии», начисто отвергаемого рецензентом, заявившим по этому поводу, что сухой перечень хороших мыслей не может иметь ничего общего с поэтическим творчеством.

«Вот, например, — писал он, — «Крестьянские дети», стихотворение, написанное в 1861 году, следовательно, одно из последних. В нем автор хотел выразить свое сочувствие не к детям вообще, а именно к *крестьянским* детям; старался, кистью *художника*, дать поэтические краски этой беззаботной поре крестьянина, когда на свободе развивается его душа, его чувство и его воображение, подстрекаемое рассказами прохожих, преданьями старины, уцелевшими в рассказах стариков, поверьями народными и самою жизнью на деревенском просторе, в лесу, в поле... Задача великая, которую уже пытались выполнить другие наши авторы, по отношению к детству людей образованных. И потому мы уже имеем от С. Т. Аксакова и гр. Толстого прелестные, поэтические рассказы в этом роде. Г. Некрасов задумал написать нечто подобное по отношению к *крестьянским* детям: Он не остановился перед трудностью задачи, да и зачем останавливаться, когда предмет кажется так прост!».

Полуиронический пересказ этого стихотворения, отнесенного критиком к детской литературе, снабжен в

¹⁴ Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем, Письма, т. II, М.—Л., 1961, с. 22.

статье множеством разного рода язвительных замечаний, общий смысл которых сводится к тому, что Некрасов якобы не создал поэтических образов и картин, подменив их рассуждениями, поскольку он «любит абстракт народа, а не самый народ», в результате чего «мысль, выраженная просто, как мораль из прописи, гораздо сноснее для чтения»: «Его «Коробейники», его «Крестьянские дети» говорят нам, что предмет, полный жизни, где-то близко, вот чуть-чуть и он бы нашел его... а между тем нет! Да, нет того поэтического элемента, который ищет г. Некрасов».

Исключение Дудышкин сделал лишь для одного эпизода из «Крестьянских детей», разговор о которых ему понадобился для того, чтобы преподать революционному демократу либеральный урок некоей нормативной пиитики: «Не беритесь за то, что требует, кроме мозгового раздражения, еще и... ничтожной вещи — любви, неподдельной любви и художнического таланта, а не вычитанной из хороших, впрочем, книг и, может быть, случайной в ваших произведениях» мысли об «отрицании, отрицании и отрицании». «Доказательством может служить то же стихотворение. В нем есть удавшаяся вам картинка мальчика, в отцовской одежде, везущего дрова из лесу. Но посмотрите, как не идет к этой картинке ваша хорошая мораль, как она плавает по верху этой картинки, точно масло над водой...»¹⁵.

В негативной оценке того нового качества, которое внес Некрасов в разработку темы «Бежина луга», Дудышкин был не одинок. «Крестьянские дети», — писал автор «Литературной летописи», скрывшийся под криптонимом В., — были бы недурным собранием мелких очерков, не совсем верных, но все-таки дающих довольно близкое понятие о том, как растет и чем занимается деревенская молодежь в таком месте, где еще не устроились школы... Но, к сожалению, г. Некрасов вообразил, что нарисованная им картина привольной жизни крестьянских детей может довести до обморока от зависти детей другого сословия, и потому он поворачивает медаль. Этот-то поворот и вышел очень плох, плох до такой степени, что заставляет удивляться, как г. Некрасов допу-

---

¹⁵ Отечественные записки, 1861, № 12, отд. Критика, с. 99—104, 119.

стил себя до такой тенденции, какая изложена в любой азбуке, и еще несравненно красноречивее...»¹⁶.

Критик имел в виду те строки, которые предшествуют центральной сцене:

«Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды...» (II, 113)

Другой рецензент в подробном разборе этого стихотворения, адресованном детям, предлагал выучить наизусть «все, что есть в нем *доброе*» и выражает «основную, главную, господствующую мысль» — «любовь к крестьянским детям». Он соглашается с автором в том, что «крестьянскому ребенку легко пропасть без надзора», восхищается тем, как во всем этом произведении и особенно в его кульминационной сцене, где появляется мужичок с ноготок, «чудно выражена наша тоскливая любовь ко всему родному». В то же время критик и недоумевает по поводу авторского истолкования тех «честных мыслей», которые невольно «вселяли в умы» такого рода будничные встречи и невыдуманные деревенские картины: «Только зачем тут ввернулось слово «злоба»? Мыслящий и добрый человек и против зла не злобствует»¹⁷.

4

Примером такого мыслящего и доброго человека в литературе чаще всего называли автора «Записок охотника», ставших своего рода эталоном идейно-эстетической гармонии в художественном постижении крестьянского мира и связанных с ним основных социальных проблем русской жизни того времени. «Понятно, — писал Дудышкин в начале своей статьи о стихах Некрасова, — какую важную роль должен был играть для лирического поэта другой талант, сумевший осветить картину истинным, нефальшивым светом»¹⁸, то есть Тургенев. В статье о третьем издании стихотворений Некрасова

¹⁶ С.-Петербургские ведомости, 1862, № 19.

¹⁷ Журнал для детей, 1862, № 32, с. 502.

¹⁸ Отечественные записки, 1861, № 12, отд. Критика, с. 87.

(1863 г.) тот же критик напомнил, что он еще прежде усмотрел «во взгляде г. Некрасова на народ раздвоенные, вследствие двух доктрин, которым он подчинился в своей поэтической деятельности. Одна — когда он шёл вместе с г. Тургеневым и когда его лирические произведения были отголоском этого настроения, другая — когда он усвоил доктрину отрицателей, когда он критические статьи Добролюбова принял за руководящую нить в своих песнях. Вследствие этого и два тона в его стихотворениях», о чем Дудышкин писал и в 1861 году, а теперь пояснял, что «так как «Отечественные записки» никогда не относились сочувственно к теоретическому отрицанию Добролюбова, особенно в применении к русской жизни, то понятно, что они не могли отнестись сочувственно и к тем стихотворениям (на тему «Песни Еремушке»), в которых выражалась эта доктрина»¹⁹.

Автограф «Крестьянских детей» показывает, что поэт, давший обещание написать стихотворение о красотах природы, поначалу и впрямь стремился придать ему безмятежно-оптимистический характер, подобный мажорному в основной своей тональности звучанию «Бежина луга», в заключительных строках которого о гибели Павлуши, представляющих собою эпилог рассказа, отчетливо слышна и глубоко трагическая нота. Тем с большей силой она должна была неизбежно заявить о себе в произведении мужицкого демократа. Показывая слишком раннее приобщение крестьянских детей к труду взрослых, который оборачивается к ним сначала лишь «нарядной своей стороной», Некрасов в первом варианте стихотворения этим было и ограничил свою задачу.

«Ванюша в деревню въезжает царем.

Сам с воза сползает. Проворство, сноровка
Ему достаются шутя.

И любо глядеть, как свободно и ловко

К труду переходит дитя.

Однажды в студеную зимнюю пору...» (л. 34).

Кульминационная сцена, сразу и навсегда вошедшая в хрестоматию, в этом контексте приобретала односторонне оптимистический и- чуть ли не ликующе-радужный характер, как бы иллюстрируя отброшенную автором строфу, несмотря на ее несомненные поэтические достоинства. В таком откровенно восторженном развитии те-

¹⁹ Отечественные записки, 1863, № 9, отд. Современная хроника, с. 6.

мы «Крестьянских детей» революционный демократ уловил, очевидно, неточность, а может быть, даже и фальшь. Вот почему вместо приведенной строфы, так и оставшейся в черновом автографе, Некрасов ввел в окончательный текст стихотворения двенадцать качественно иных по смыслу стихов, которыми он как раз и оборачивает другой стороною медаль и в то же время раскрывает внутренний смысл эпилога «Бежина луга», то есть прямо называет истинную, социальную причину гибели Павлуши, вокруг которой в методической литературе велись споры, касавшиеся главным образом вопроса о том, поддерживает или опровергает Тургенев трагическим финалом рассказа суеверие своих героев.

Сам писатель считал как раз такую вот недоговоренность одним из главных признаков подлинной, с его точки зрения, художественности. В качестве высшего образца он называл, в частности, «Анчар» Пушкина, видя в нем «такой протест против деспотизма, какого не могут и приблизительно выразить тысячи обличительных и возбудительных стихотворений». А между тем Пушкин не сказал в конце своего стихотворения: «Так тирания гнет и умерщвляет все вокруг себя» и т. п.²⁰

Не захотел и автор «Бежина луга» сказать о своих героях то, что держало их в плену темноты и невежества, что обрекло самого лучшего из них на преждевременную смерть. Художник, по убеждению Тургенева, «вызывает в читателе известное чувство, очерчивая главные контуры картины, и читатель строго логически дополняет ее».

Тот же, кто, подобно Некрасову, брал на себя соответствующее истолкование нарисованной картины, вызывал у него, как и у большинства критиков того времени, раздражение и безапелляционную оценку: «Это не поэт, это аналит»²¹.

Между тем «главные контуры» жизни крестьянских детей, обозначенные в рассказе «Бежин луг», нуждались и в принципиальных дополнениях, и в более четких разъяснениях, без которых и центральная сцена стихотворения Некрасова могла бы вызвать к себе столь же неопределенное отношение, какое возбуждают до сих пор заключительные слова Тургенева о гибели Павлуши. Вот

---

²⁰ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. II, М., 1969, с. 72, 205.

²¹ Там же, с. 218.

почему Некрасов, говоря словами Маяковского, «смирял себя, становясь на горло собственной песне», то есть в данном случае просто исключил ликующую строфу, предшествовавшую встрече с шестилетним мужичком, и предварил эту кульминационную сцену «Крестьянских детей» откровенно аналитическими стихами о том, что кроется за лицевой стороной той «медали», которую он и сам, в унисон с автором «Записок охотника», назвал в том же стихотворении «обаяньем поэзии детства», на что одним из первых справедливо обратил внимание О. Ф. Миллер: «А как отрадно действует у нашего поэта светлая картина «Крестьянских детей», которая может быть поставлена, по своей основной мысли, наряду с «Бежиным лугом» Тургенева»²².

Эта светлая картина у Некрасова во многом однородна с тем, как ее запечатлел автор «Записок охотника», который в крепостной деревне «усмотрел столько поэтического, нашел столько общечеловеческих черт <...>. Но в то время, как Тургенев только скользит по поверхности крестьянской жизни, Некрасов заглядывает в самую глубь народной души», так что «если поэзия Некрасова изображает также оборотную сторону, то есть порой непосильное бремя земледельческого труда, то этим она не искажает, а только дополняет оптимистическую картину, изображенную Кольцовым в его великолепных песнях»²³, а равно и Тургеневым в «Записках охотника», которые Некрасову вовсе не случайно, как он сообщал их автору еще в начале 1847 года, «по сердцу пришлись» (X, 62). В «Заметках о журналах за сентябрь 1855 года» им было сказано о главной заслуге автора «Записок охотника»: он «девять лет тому назад начал свои очерки народных характеров и постепенно поставил перед нами ряд оригинальных, живых и действительных лиц, о которых мы до него не имели понятия» (IX, 332). Эта высокая оценка относилась, конечно, и к деревенским мальчишкам, освещенным пламенем костра на Бежином лугу и согретым сердечным теплом авторского отношения к ним.

---

²² Миллер О. Ф. Русская литература после Гоголя. Спб., 1874, с. 112.

²³ Филиппов М. М. Мысли о русской литературе, М., 1965, с. 197, 227.

Общественную актуальность идейно-эстетической концепции тургеневского рассказа в пору его появления подтверждает первое прозаическое произведение Некрасова о крепостной деревне «Тонкий человек, его приключения и наблюдения». Оно было начато и частично напечатано в «Современнике» вскоре после выхода первого отдельного издания «Записок охотника». Тростников и его сотоварищ Грачев тоже помышляют «об охоте, которая составляла главную цель их путешествия» (VI, 430). «Проехав селение, они увидели гурьбу мальчишек и девочек, усевшихся под тенью старого великолепного вяза <...>. Любуясь этим прекрасным деревом, Тростников невольно подумал, что хотя *народ наш обвиняют в отсутствии всякой искры поэзии*, однакож подобное обвинение едва ли справедливо <...>. Не указывают ли одни эти деревья на присутствие поэтического чувства в народе, охраняющего их из поколения в поколение вернее всякого запрета и надзора?» (VI, 382. Курсив наш. — В. Г.).

Герои повести Тростников и Грачев, не согласные друг с другом в отношении того, свойственно ли крестьянам поэтическое чувство, при виде взрослых и детей, пришедших поглазеть на охотников, начали рассуждать о причинах весьма распространенного среди крепостных физического уродства и «пришли к такому заключению, что хотя употребительная в деревне метода воспитания, состоящая в том, что ребенка почти с первых дней его рождения предоставляют на произвол судьбы, имеет свои хорошие стороны, производя богатырей, крепких, как закаленная сталь, но что она же, вероятно, причиною, почему нет такой маленькой деревушки, в которой не встретили бы нескольких несчастных, изуродованных и изломанных самым чудовищным образом» (VI, 397).

В отличие от героев «Тонкого человека» Некрасов и Тургенев были полностью согласны в отношении поэтической одаренности крестьян и их детей — этих, как говорил Белинский, дикораствующих цветов, в жизни которых было «так много поэзии слито» (II, 110), что изображение их стало для того и для другого радостным обращением к неиссякаемому роднику вдохновения и творчества. Это и породило светлую, по определению О. Ф. Миллера, картину «Крестьянских детей» с основной мыслью «Бежина луга» о юном и сильном народе, глав-

ные сокровища которого таились прежде всего в крестьянской среде, в ее духовных потенциях, открывшихся охотнику у костра в ночном под этим огромным небом со всем его таинственным великолепием.

Однако то, что для Тургенева оказывалось конечной целью и единственно возможным для него, как для художника определенного склада и образа мыслей, результатом эстетического познания действительности, служило для Некрасова лишь само собою разумеющейся исходной точкой поэтических размышлений над одними и теми же явлениями русской жизни, или своего рода зерном, которому предстояло прорасти и, по закону отрицания отрицания, перестать быть самим собою, но зато породить новое качество. Это, говоря по-нынешнему, расщепление ядра, воспроизведенного, а иногда и впервые обнаружившего себя как предмет словесного искусства именно в «Записках охотника», и определяет диалектический характер творческого взаимодействия, нередко перераставшего в противоборство музы мести и печали с «музою любви по преимуществу»²⁴.

Если в «Бежином луге» Ап. Григорьеву не понравилось «ложное идеализирование характеров»²⁵, поскольку портреты выведенных в рассказе мальчиков были, по выражению безымянного рецензента, «несколько польщены»²⁶, то «Крестьянских детей» тот же критик отнес в статье о втором издании стихотворений Некрасова к числу поэтических вещей, названных им «чистыми и возвышенными его вдохновениями», «почти что безупречными по вдохновению произведениями»²⁷.

Так, «глубоко западающий в память мужичонка в огромных сапогах и рукавицах» был воспринят как прямая противоположность знаменитой картине детства Обломова. «Но, — писал далее по этому поводу О. Ф. Миллер, — наглядно выставляя нам своего рода преимущества подобного воспитания трудом, поэт не вдается однако же в идеализацию этого воспитания; он говорит далее: «Положим, крестьянский ребенок»²⁸ и т. д., то

²⁴ Боцьяновский В. Ф. Памяти И. С. Тургенева. — Новая Русь, 1908, 22 августа, № 7.

²⁵ Москвитянин, 1851, № 6, с. 278—283.

²⁶ Отечественные записки, 1851, № 4, отд. VI, с. 104—105.

²⁷ Время, 1862, № 7, отд. Критич. обозрение, с. 45 — 46.

²⁸ Миллер О. Ф. Русская литература после Гоголя. Спб., 1874, с. 113.

есть оборачивает медаль другой стороною и тем самым раскрывает заодно истинный смысл финала «Бежина луга», социальную первопричину трагической судьбы Павлуши — лучшего из крестьянских детей, нарисованных романтическими красками реалиста-прозаика.

Такое во многом общее с пафосом «Записок охотника» и в то же время глубинно антитургенёвское движение некрасовской мысли вовсе не было чем-то новым или неожиданным для самого поэта, а лишь вполне естественно продолжало и развивало то, что высказано им в «Тонком человеке», а еще ранее в целом ряде стихотворений, например, в «Отрывках из путевых записок графа Гаранского»: «Не только мужики здесь преданы труду, Но даже дети их, беременные бабы — Все терпят общую, по их словам, «страду». И грустно видеть, как иные бледны, слабы!» (I, 95).

Здесь и таился социальный корень «злости и боли» (II, 114), которые так удивили иных читателей «Крестьянских детей». В пору возникновения замысла этого произведения (1856 г.) Некрасов писал Л. Н. Толстому: «Вам теперь хорошо в деревне, и Вы не понимаете, зачем злиться; Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости — у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, — т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою Родину» (X, 284). Это и есть обусловленные самой действительностью «русские мысли», поэтически выраженные в «Крестьянских детях» вслед за эпизодом встречи с шестилетним тружеником Власом — живым, настоящим ребенком, а не сусальным персонажем из детского театра или с лубочной картинки:

«Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злости и боли,
В которых так много любви» (II, 114)

После появления «Крестьянских детей» Некрасов говорил одному из новых авторов «Современника»: «У вас добродушно все выходит. А вы, батенька, злости, зло-

бы побольше...»²⁹. Бóльшей социальной активности, гражданской смелости, идейной определенности он постоянно ждал и хотел от каждого самобытного таланта и прежде всего от автора «Записок охотника», который, однако, оказавшись под арестом, а затем и в ссылке за антикрепостнические настроения и произведения, писал из Спасского 19 мая 1853 года С. А. Миллер, что те, кто его осудил, то есть официальные власти, ошиблись на его счет: «Конечно, я не злой человек, и когда-нибудь будут удивляться, что так мало было желчи в человеке, которого считали опасным»³⁰.

Действительно, «Бежин луг» мог написать только «незлобивый поэт, в ком мало желчи, много чувства», тогда как «Крестьянские дети» принадлежали перу того художника, который «проповедует любовь враждебным словом отрицанья» (I, 65, 66). Тут, при кажущейся образно-тематической общности, главным является вообще не сходство и тем более не тождество, а как раз очень глубокое и даже принципиальное различие не только в том, что принято называть видением писателей, но, по существу, и в том, что явилось и стало для каждого из них предметом изображения, то есть идейно-образного познания.

«Знаете ли вы, — спрашивал вскоре после смерти Некрасова и незадолго до кончины Тургенева А. Потехин, — что такое крестьянские дети?» Свобода от «науки и неги», веселая, беззаботная жизнь среди природы — «это только розовая, светлая сторона, это поэзия, а не обыденная жизнь <...>, это только результат нашей молодой силы и жизненности; прикрывающей смехом и баззаботным весельем — и нужду, и лишения, и тяжелый труд, и вечную заботу <...>».

Крестьянские дети такие же труженики, как и их отцы, — труженики почти с той минутой, как выучиваются ходить и говорить, они также знакомы и с лишениями, и с горем жизни <...>.

Чтобы понять, оценить и полюбить крестьянских детей, нужно смотреть на них не издали, не с балкона барского дома, не из экипажа, не в те минуты, когда случайно выглянувшее солнышко — смех и веселье ос-

²⁹ Лейкин Н. А. в его воспоминаниях и переписке. Спб., 1907, с. 186.

³⁰ Тургенев И. С. Письма, т. II, М.—Л., 1961, с. 157.

вещают картину искусственным колоритом: надо посмотреть на крестьянских детей с другой стороны, при обыденной обстановке, при суровых задачах жизни, среди труда, горя и лишений, которых они встречают больше, чем радостей...»³¹.

Вот здесь и находился водораздел между «Бежин лугом» и «Крестьянскими детьми»: подобно двум родникам, бравшим начало от одного источника, но продолжавшим свое дальнейшее движение в противоположных направлениях, они содержали в себе много однородного и в то же время своеобразно воплощали различные общественно-эстетические концепции, художественными выразителями которых были — каждый в своем творчестве и в своем роде — «грустный Тургенев, гневный Некрасов»³².

---

³¹ Потехин А. Крестьянские дети. М., 1881, с. I—IV. Эта книжка писателя-костромича, в которой хотя и не назывались прямо ни «Бежин луг», ни «Крестьянские дети», но в то же время показывалось то общее и своеобразное, что сближало и разъединяло их авторов, получила положительную оценку в «Отечественных записках» (1881, № 7, отд. II, с. 79—82), как произведение, раскрывающее своим маленьким читателям прекрасные слова поэта:

«Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать».

³² Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, М., 1953, с. 184.